

родов. С другой стороны, оппозиция свидетельствовала и о начавшемся кризисе объединений гегемонистского типа, в которых исполнительная власть полностью принадлежала городу-гегемону. На какое-то время этот кризис был преодолен, когда в качестве гегемона выступила иноземная сила — Македония, по отношению к которой греческие полисы рассматривались как единое политическое целое, ибо только тогда федеральные принципы получили дальнейшее распространение.

Summary

The article deals with oppositional moods that appeared within the Second Athenian Sea-League in response to the great-power policy pursued by Athens. Disgruntled allies did not leave the confederacy, but grouped around Thebes—polis whose hegemonic aspirations had become apparent from the very first days of formation of the Maritime Alliance.

Статья поступила в редакцию 20 июня 1974 г.

Вести МУ № 2 за 1975

И. Г. Добровольский, Н. В. Дубов

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ У ДЕРЕВНИ БОЛЬШОЕ ТИМЕРЕВО ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ

(по археологическим и нумизматическим данным)

На окраине современного Ярославля в 12 км от места впадения реки Которосль в Волгу находится широко известный в археологической литературе Тимеревский курганный могильник, первые упоминания о котором появились в середине прошлого столетия.¹ Активные раскопки этого памятника были начаты И. А. Тихомировым в конце XIX века,² продолжены в сороковых годах нашего столетия ленинградским археологом Я. В. Станкевич³ и полностью завершены в недавнее время экспедицией Государственного исторического музея во главе с М. В. Фехнер.⁴ В коллективной публикации, выполненной сотрудниками ГИМ, были обобщены результаты раскопок многих авторов и проанализирован материал практически во всех аспектах. Итогом этой работы явились выводы о хронологии, этнической принадлежности и социально-экономической характеристике данного памятника. В разное время различными исследователями давалась количественная оценка этого некрополя. Количество насыпей колеблется в пределах от ста пятидесяти до полутора тысяч. В настоящее время мы располагаем данными по тремстам пятидесяти девяти курганам.

Кроме могильника у д. Б. Тимерево в состав погребальных древностей рассматриваемого комплекса входили две курганные группы, расположенные на берегу р. Сечки у деревень Малое Тимерево и Гончарово. Раскопаны эти курганы в начале нашего века, и сведения о них чрезвычайно скудны. Известно, что примерное количество насыпей в той и другой группе доходило до десяти, а погребения были совершены главным образом по обряду труположения, хотя отмечены и трупосожжения.⁵ Итак, первым составным компонентом археологического комплекса у д. Б. Тимерево являются погребальные памятники с общим количеством документированных насыпей около четырехсот. Возможно-

¹ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, 1868, вып. IV, с. 93; Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869, с. 17.

² Тихомиров И. А. 1) Кто насыпал Ярославские курганы, ч. I. — Труды II областного историко-археологического съезда, 1903. Тверь, с. 88; 2) Кто насыпал Ярославские курганы, ч. II. — Труды III областного историко-археологического съезда, 1909. Владимир, с. 1—98.

³ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. М.—Л., 1941, с. 58—88.

⁴ Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 5—9.

⁵ Тихомиров И. А. Раскопки в Тимереве. — Архив ЛОИА, ф. I, д. № 82, 1900; Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, ф. I, д. № 71, 1908.

сти дальнейшего увеличения материала этой категории не исчерпаны и, как показывают наши раскопки кургана № 95, могут дать неожиданные результаты, в корне меняющие представления об этом памятнике.⁶ Существенно расширяет возможности введение в оборот двух новых категорий памятников, входящих в состав Тимеревского комплекса, — это два селища, обнаруженные Ярославской экспедицией кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета в 1972 году, которые имеют общую площадь около 6 га, и два клада арабских серебряных монет (всего более 4000 экземпляров). Одно селище расположено у д. Б. Тимерево к юго-востоку от могильника, в непосредственной близости от него и занимает площадь 5,5 га; второе — находится на противоположном берегу реки у д. М. Тимерево. Оба поселения синхронны с Тимеревским некрополем и, видимо, непосредственно с ним связаны. В течение долгого времени эти памятники не удавалось найти, хотя в литературе отмечалась находка остатков полностью распаханного селища близ могильника.⁷ Работы нашей экспедиции показали, что поселения в самом деле сильно испорчены распахкой, но не безнадежны для исследования. На обоих селищах собран обильный подъемный материал, в состав которого входят лепная и гончарная керамика, украшения, различные бытовые предметы и орудия труда. Предварительная оценка всего набора находок позволяет уже сейчас говорить о прямой связи поселения с некрополем. На селище у д. М. Тимерево при раскопках была обнаружена углубленная в материк постройка, в заполнении которой встречена исключительно лепная керамика. В культурном слое селища у д. Б. Тимерево в 1973 году нашей экспедицией был найден клад аббасидских дирхемов, имеющий большое значение для выяснения хронологии и характера селища и всего комплекса в целом.⁸

Памятники, расположенные в районе д. Б. Тимерево, и их материалы являются ключевыми для решения целого ряда проблем истории Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья. Новые материалы позволяют поставить некоторые вопросы в ином плане, и особенно это касается проблем характера изучаемых памятников. До сих пор в литературе были представлены три основные точки зрения: торговая фактория;⁹ некрополь города Ярославля;¹⁰ сельские могильники.¹¹

В районе д. Б. Тимерево в IX—XI веках, видимо, существовало крупное поселение, связанное с Великим Волжским путем. Оно находилось на ответвлении дорог, идущих в глубины Ростовской земли, и занимало важное стратегическое положение. В это время на Руси начинается активный процесс становления городской культуры и в изучении его на территории Ярославского Поволжья имеют немаловажное зна-

чение материалы рассматриваемого комплекса памятников. Специфической особенностью Тимеревских поселений и могильников является топографическое расположение, и их особый характер обусловлен главным образом этим фактором. Видимо, в жизни населения, занимавшего этот пункт, главную роль играли торговля и ремесло, и Тимеревские поселения выполняли роль важного центра в трансевропейской торговле, хотя, конечно, нельзя полностью отбрасывать и другие формы производственной деятельности.

Тимеревское селище можно рассматривать как переходное от больших сельских поселений к городам и совмещающее в себе черты того и другого типа. В литературе давно уже сформулированы отличия и специфические черты сельских и городских поселений.¹² Главным образом они сводятся к тому, что для сельских поселений характерны функции, ограничивающиеся сельскохозяйственным производством, а для городских — торгово-ремесленные. Комплекс у д. Б. Тимерево не может быть прямо отнесен к тому или другому типу и называть его можно протогородским. Прежде всего следует отметить, что Тимеревское селище выделялось своими размерами на фоне многочисленных сельских поселений, максимальные площади которых достигают 2 га. Наличие огромного курганного поля; где в погребальном обряде фиксируются разноэтнические черты и в состав инвентаря входит масса иноземных вещей как северного, так и восточного происхождения; существование двух таких крупных кладов арабских монет; практически полное отсутствие в погребениях орудий сельского хозяйства и в то же время изобилие предметов торговли и ремесла, — все это говорит в пользу нашего вывода. Однако в то же время нет возможности называть Тимеревское поселение городом; во-первых, с городом у нас связаны представления как об укрепленном административном пункте, во-вторых, русская летопись отмечает факт основания Ярославля в начале XI века и ни слова не говорит о Тимереве, расположенном в близости и играющем, видимо, важную роль. Тимеревский центр можно связать с торговыми городами Балтики и Скандинавии, основные черты которых заключаются в том, что это большие и неукрепленные поселения с разноэтническим и непостоянным составом населения, находящиеся на крупных торговых путях, обязанные своим возникновением и расцветом развитию ремесла и торговли.¹³ Тимерево в Ярославском Поволжье в какой-то мере выполняет функции Бирки в Швеции и Хедебу в Дании, хотя зеркальную аналогию проводить, конечно, нельзя. Материал этого комплекса позволяет ставить его в один ряд с Ладогой на Волхове, Гнездомом под Смоленском, Сарским городищем под Ростовом Великим, Клещиным под Переславлем-Залесским. Особенно близкую параллель можно найти с Гнездовским археологическим комплексом, начиная с топографии, размеров и категорий составляющих их памятников и кончая социальной и этнической характеристикой.¹⁴ Причины этого кроются в примерно одинаковых условиях формирования этих центров — оба являлись крупными пунктами на важнейших торговых артериях Волге и Днепре; различия есть и обусловлены прежде всего асинхронностью функционирования этих путей. Однако за этим кроются важные причины, порожденные вообще состоянием всей восточно-

⁶ Дубов И. В. Ярославская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 51.

⁷ Фехнер М. В. Отчет о раскопках Тимеревского могильника. — Архив ИА АН СССР, р-1 2215, 1960.

⁸ Еще один клад арабских монет в количестве 1503 экземпляров был найден в 1968 году на противоположном берегу р. Сечки при случайных обстоятельствах. — См.: Ярославский край. Сборник документов по истории края (XI век — 1917 год). Ярославль, 1972, с. 11. В настоящее время этот клад находится на определении в Государственном историческом музее. По сообщению С. А. Яншиной он предварительно датируется IX веком.

⁹ Agge T. J. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, p. 225; Смирнов П. П. Вользский шлях і стародавній Русі. Київ, 1929, с. 223; Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. — ТСА РАНИОН, т. IV. М., 1929, с. 141.

¹⁰ Авдусин Д. А. Дружные курганы кривичей. Автореф. канд. дис. М., 1948.

¹¹ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 83; Фехнер М. В. Тимеревский могильник, с. 17.

¹² Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения древней Руси. Очерки по истории русской деревни X—XII вв. — Труды ГИМ, 1956, вып. 32. М., с. 14.

¹³ Jankuhn H. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1963, S. 261—263.

¹⁴ Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганы древности Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 13—16.

европейской экономики и торговли. Тимерево, так же как и Гнездово, перестает играть заметную роль и постепенно теряет свое значение в связи с основанием Ярославля (а на Днепре — Смоленска), возникшего в качестве опорного центра княжеской власти, исходного пункта феодализации и христианизации края, хотя первоначально Ярославль был, видимо, просто крепостью, а не городом.

Тема переноса городов в Древней Руси в общем плане разработана В. В. Мавродиным, усматривавшим в этом закономерность развития.¹⁵ Для конкретных памятников это сделано лучше всего для Гнездова¹⁶ и Клецина.¹⁷ Материалы изучаемого археологического комплекса являются весьма существенными в плане исследования начального этапа становления городов в Древней Руси.

Хронологически комплекс (IX—XI вв.) соответствует времени наиболее активного функционирования Волжского пути и прямо с ним связан. Тимерево является самым восточным протогородским центром Древней Руси. Дальнейшие исследования позволят точнее раскрыть экономическую, социальную и этническую природу этого интереснейшего и мало изученного в нашей науке явления.

Клад, найденный на селище у д. Б. Тимерево, имеет большую ценность и является сам по себе важным историческим источником. Он содержит 2618 монет, из которых 1484 целых экземпляров и 1134 фрагментированных. В некоторых случаях монеты использовались как украшения — 42 экземпляра пробито, а 3 монеты пробиты дважды. Клад в основной своей массе хорошей сохранности, хотя как и в любом крупном кладе есть сильно потертые экземпляры, неподдающиеся точному определению. Последнее относится также к ряду фрагментированных монет. Монеты клада по династиям распределяются следующим образом: 1) Сасаниды: Пероз (459—484) — 1 экз.; Хосров II (590—628) — 5 экз. — всего 6 экз.; 2) Испахбады Табаристана: Умар ибн ал-Ада (771—780) — 4 экз.; 3) Умайяды — 209 экз.; 4) Приверженцы Аббасидов — 2 экз.; 5) Аббасиды — 2374 экз.; 6) Подражания Аббасидам — 3 экз.; 7) Обломки хазарского дирхема — 1 экз.; 8) Умайяды Испании: Абд ар-Рахман I (756—788) — 1 экз.; 9) Губернаторы Туджи: Халеф ибн ал-Мада (791—792) — 4 экз.; 10) Идрисиды: Идрис I (789—793) — 4 экз.; Идрис I или II — 1 экз.; Идрис II (793—828) — 2 экз.; Мухаммад ибн Идрис (828—836) — 1 экз.; Али ибн Мухаммад (836—849) — 2 экз.; неопределенные — 4 экз. — всего 14 монет.

Таким образом, основная масса монет падает на время правления аббасидских халифов, их в кладе 2374 экз. По халифам монеты распределяются следующим образом: ас-Саффах (749—754 гг.) — 27 экз.; ал-Мансур (754—775 гг.) — 224 экз.; ал-Махди (775—785 гг.) — 190 экз.; ал-Хади (785—786 гг.) — 8 экз.; Харун ар-Рашид (786—809 гг.) — 600 экз.; ал-Амин (809—813 гг.) — 77 экз.; ал-Мамун (813—833 гг.) — 252 экз.; ал-Мутасим (833—848 гг.) — 63 экз.; ал-Васик (842—847 гг.) — 73 экз.; ал-Мутаваккил (847—861 гг.) — 542 экз.; ал-Мунтасир

(861—862 гг.) — 2 экз.; ал-Мустанн (862—866 гг.) — 58 экз.; оставшиеся 257 экземпляров определить точно не удалось. Монетные дворы, на которых чеканились дирхемы, расположенные на громадной территории, включающей в себя Среднюю Азию, Иран, Испанию, Месопотамию, Сирию, Аравию, Северную Африку, Кавказ. Чеканка умайядских халифов представлена следующими монетными дворами: Ардашир Хурра — 2 экз.; Истахр — 3 экз., ал-Андалус — 1 экз., ал-Басра — 2 экз., ат-Таймара — 1 экз., ал-Джазира — 3 экз., Джунди Сабур — 2 экз., Дарабджирд — 1 экз., Димешк — 9 экз., Сабур — 2 экз., Самия — 4 экз., Седжестан — 1 экз., Сархас — 1 экз., ас-Сус — 1 экз., Сук ал-Ахваз — 2 экз., Керман — 2 экз., ал-Куфа — 1 экз., ал-Мубарака — 1 экз., Ватит — 127 экз., Херат — 1 экз., Хамадан — 1 экз., место чеканки обрешано или стерто — 51 экз. Дирхемы приверженцев Аббасидов чеканены в Дже — 1 экз. и Махи — 1 экз. Дирхемы аббасидских халифов представлены в кладе следующими монетными дворами: Абрашахр — 1 экз., Арран — 13 экз., Армения — 26 экз., Азербайджан — 1 экз., Исфахан — 97 экз., Ифрикия — 6 экз., Бухара — 7 экз., ал-Басра — 84 экз., Балх — 56 экз., Туджа — 1 экз., Джунди Сабур — 1 экз., Джей — 9 экз., Димешк — 13 экз., ар-Рафика — 2 экз., ар-Рей — 4 экз., Зерендж — 27 экз., Седжестан — 6 экз., Сурра ман раа — 78 экз., Самарканд — 101 экз., аш-Шаш — 32 экз., Табаристан — 3 экз., ал-Аббасия — 22 экз., Фарис — 42 экз., Кумм — 6 экз., Керман — 2 экз., ал-Куфа — 35 экз., Мах ал-Куфа — 21 экз., ал-Мубарака — 1 экз., ал-Мутаваккилия — 4 экз., ал-Мухаммадия — 232 экз., Мединат ас-Салам (Багдад) — 730 экз., Мерв — 61 экз., Миср — 3 экз., Миср Фустат — 1 экз., Мадин Баджунейс — 5 экз., Мадин аш-Шаш — 13 экз., Нисабур — 8 экз., Харунабад — 1 экз., ал-Харуния — 2 экз., ал-Хашимия — 1 экз., Херат — 11 экз., ал-Иемама — 1 экз., место чеканки обрешано или стерто — 604 экземпляра.

Дирхем Умайядов Испании чеканен в ал-Андалусе. Монеты Идрисидов чеканены на следующих монетных дворах: Туджа — 2 экз., ал-Алия — 1 экз., Варзига — 1 экз., Варга — 1 экз., Ватит — 1 экз., Валила — 2 экз., монетный двор обрешан или стерт — 6 экземпляров.

Такова в общих чертах статистическая картина клада. Кроме большого общеисторического значения клад представляется интересным и в чисто нумизматическом отношении. Весьма интересны подражания Аббасидам и половина дирхема хазарской чеканки. Несомненно, любопытен факт находки дирхема Умайядов Испании 779/780 г. чеканки. Монеты этой династии весьма редко встречаются в кладах Восточной Европы.¹⁸

Среди монет Идрисидов также есть ряд интересных и редких экземпляров, особенно необходимо отметить дирхем Идриса II 820/821 годов, чеканенный в Ватите. Вторая известная монета, чеканенная на этом монетном дворе, входит в собрание Национальной библиотеки в Париже.¹⁹ Среди большой массы аббасидских монет встречаются интересные и довольно редкие экземпляры, не говоря уже о том, что ряд дирхемов отсутствует в таком первоклассном собрании, каким является коллекция аббасидских дирхемов в Эрмитаже.

Как было уже отмечено выше, клад найден был рассыпью и не было никаких данных для предположения, в чем происходило его захоронение. Изучение монет позволило на одном из обломков обнаружить

¹⁸ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, № 141, 179, 180, 192, 290, 314.

¹⁹ Lavoix M. H. Catalogue des monnaies musulmanes Espagne et Afrique. Paris, 1891, p. 392.

¹⁵ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 51.

¹⁶ Лялушкин И. И. Гнездово и Смоленск. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 37.

¹⁷ Смирнов М. И. Залесский город Клецин. Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества. Переславль-Залесский, 1919, № 4, с. 7; Смирнов М. И. По забытым путям Залесья (историко-этнографический очерк). Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества. Переславль-Залесский, 1926, № 15, с. 44; Третьяков П. Н. Древнерусский город Клецин. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 49—53.

остатки ткани, спекшейся с монетным кружком. Эта находка дает основание предполагать, что клад при его зарытии находился в мешке или был завернут в грубую ткань.

Остановимся на вопросе датировки клада. Р. Р. Фасмер на основании изучения большого материала разделил все клады куфических монет Восточной Европы на четыре периода.²⁰ Ко второму периоду Р. Р. Фасмер относит клад, состоящие в основном из аббасидских дирхемов, чеканенных в Азии, и в которых почти полностью отсутствуют монеты африканского чекана. Время зарытия этих кладов Р. Р. Фасмер относит к периоду 825—905 годов.

Данный клад по своему составу относится ко второму периоду по классификации Р. Р. Фасмера и зарыт, возможно, не позднее 870 года, если среди неопределенных монет не было более поздней, чем дирхем 865 года.

Таким образом, в результате работ Ярославского отряда Ленинградского университета стало ясно, что такой крупнейший памятник, как Тимеревский комплекс, скрывает еще очень большие резервы и имеет широкие перспективы для исследования, первые же результаты говорят о большой ценности и актуальности его материалов.

В полевом сезоне 1974 года Ярославская экспедиция начала раскопки Тимеревского поселения широкой площадью. В результате работ добыт новый интересный материал, существенно углубляющий наши представления об этом комплексе. Особого упоминания заслуживают находки жилых и хозяйственных сооружений. Кроме того, найдено еще 313 дирхемов из клада 1973 года, которые вошли в эту публикацию.

Summary

The article is the first publication of new material gained as the result of the work of the Jaroslavl's expedition organised by the Department of archaeology of the Historical faculty of Leningrad university. The material of settlement at Bolshoe Timerevo and a hoard of arabian silver coins are analysed. The authors give their interpretation of the find and consider that the settlement was a protositing one.

²⁰ Фасмер Р. Р. Об издании топографии находок куфических монет. — Известия АН СССР, 1933, № 6—7, с. 478.

Статья поступила в редакцию 20 июня 1974 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С. М. Виноградова

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПУБЛИЦИСТА

На протяжении многих столетий феномен творчества был и остается в центре внимания ученых. Творчество как процесс создания общественно значимого нового, как продукт этого процесса — исключительно сложное и многогранное явление. Его изучение помогает глубже понять существенные силы человека, его место в обществе и роль в развитии общества. Постижение процесса творческого освоения действительности человеком учит нас не только видеть окружающий мир, но и проникать в сущность явлений.

Что является определяющим в творческой деятельности, какие социальные и психологические факторы лежат в ее основе и как ее результаты влияют на человека и жизнь общества в целом — эти вопросы прежде всего привлекают внимание исследователей.

Публицистическое творчество — одно из проявлений творческой деятельности человека. Изучением его различных аспектов занимаются многие представители журналистской науки.

Обобщению результатов современных исследований публицистического творчества посвящена статья Я. Р. Симкина «Творчество публициста как объект исследования».¹ Автор анализирует работы, посвященные как общетеоретическим вопросам, так и деятельности ведущих публицистов, рассматривает публицистическое творчество в связи с вопросами научного и художественного творчества, говорит о важности комплексного подхода к проблеме, подчеркивает необходимость проникновения в особенности личности публициста, создания психологического портрета мастера слова. Естественно, данная работа не является исчерпывающим обобщением всех исследований о публицистическом творчестве. Рамки статьи не позволили автору проанализировать значительный объем научной и художественной литературы о публицистике.²

В последние годы появился ряд новых исследований, затрагивающих наиболее существенные и спорные аспекты публицистики: вопросы места и роли публицистики в обществе, специфики публицистического познания действительности, мастерства публициста.³

¹ Вести. Моск. ун-та. Сер. XI: Журналистика, 1971, № 3.

² Наряду с научными изысканиями художественная литература служит источником, который помогает постичь особенности творческого процесса в публицистике. Писатели, вероятно, раньше, чем ученые, создали портрет профессионального журналиста, достаточно вспомнить «Стакан воды» Скриба и «Утраченные иллюзии» Бальзака.

³ См. об этом монографии: Ученова В. В. 1) Гносеологические проблемы публицистики. М., 1971; 2) Публицистика и политика. М., 1973; Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973; Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1971 и 1973, и др. Современному состоянию публицистики как области политической деятельности, ее связи с наукой, взаимодействию образного и понятийного в публицистике, основным тенденциям ее развития посвящено учебное пособие. — См.: Карасев П. С. Проблемы теории публицистики. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.